

Геннадий Хазанов: «Эстрада на ТВ — это леппрозорий»

ФОТО САБИНЫ ДАДАШЕВОЙ

Неделю назад в телепрограмме «Доброе утро» услышал финал разговора ведущих — четы Стриженовых с Геннадием Хазановым. Он говорил: «Получается так, что как директор Театра эстрады я должен уволить артиста Хазанова, поскольку на его сольные программы не раскупаются билеты». Слух об увольнении Геннадия Викторовича разнесся по Москве. 19, 20, 21 марта в Театре эстрады Геннадий Хазанов выступал, возможно, с последней сольной программой «Анна Михайловна и другие». В субботу днем мы встретились с ним в его служебном кабинете.

Какие «сольники»? На жену и то времени не хватает!

Читайте на 10-й странице

Вег. Москва - 2004 - 22 марта - с. 1, 10

ФОТО СЕРГЕЯ ФЕДЕИНЧЕВА

Геннадий Хазанов: Эстрада на телевидении — это лепрозорий

— Геннадий Викторович, я не совсем понял: вы заявили о своем увольнении из Театра эстрады?

— Вообще-то в «Добром утре» первым слово «уволен» произнес Александр Стриженов, а не я. А СМИ, которые живут в жутком дефиците скандалов, преподнесли этот разговор так, как им было выгодно.

— Но вы же говорили, что публика не идет, нет аншлагов?

— Я не говорил о спектаклях, речь шла только о моих сольных выступлениях. Со спектаклями у нас все в порядке. В июле у нас двухсотовое представление «Ужина с дураком»; мы уже подошли к тридцати спектаклям «Смешанных чувств» с Инной Чуриковой. Так что речь идет только о сольных концертах. Дело в том, что эстрадный артист вообще суще-

ствует в другом режиме. У него не может быть двух ипостасей. Эстрадный артист занимается своей эстрадной карьерой. Делает свои сольные выступления. И несколько совместных концертов, которые походят на ярмарку-презентацию. С точки зрения экономики, все делается правильно. Создается мощное информационное, рекламное обеспечение с подключением телевидения. Телевидение снимает концерт, за это анонсирует концерты артистов. Выдерживать работу на репертуарной основе удается только Петросяну со Степаненко — благодаря тому, что существует постоянная телеинформация в их собственной программе. Играть сольные программы из месяца в месяц ваш покорный слуга не может. Потому что нет информационного обеспечения, а значит, нет и зрителей. Если ис-

тратить деньги на рекламу, ничего не останется на спектакль.

— Были в двадцатые годы уже прошлого века репертуарные театры-кабаре со спектаклями-обозрениями...

— Сегодня нет эстрады. Есть шоу-бизнес. Эстрада была в советское время в режиме концертных ставок, в режиме фонда заработной платы. Не мог артист сказать: хочу получить тысячу или пять тысяч долларов!..

— Почему вы не хотите, как Петросян, связать жизнь Театра эстрады с телевидением?

— Петросян решает собственную судьбу. Вы мне предлагаете пойти на телевидение, чтобы рекламировать что?

— Себя, театр.

— Вы предлагаете мне еще один хомут на себя взвалить — выходить на всенародное обозрение? Это делают только камикэды. Это поток. Это ужас...

— Вы недавно сказали, что сейчас актеры вашего жанра на телевидении — это лепрозорий.

— Я сказал это не о телевидении, а об эстраде на телевидении. С моей точки зрения, то, что происходит на эстраде, — это лепрозорий. Люди, выступая на телевидении под фонограмму, потом автоматически переносят свою фонограммную жизнь на сцену. Это же обман, мошенничество! Люди платят деньги не за то, чтобы слушать фонограмму, а за певца, который поет здесь и сейчас.

— К фонограмме прилагается визуальный ряд.

— Тогда это зоопарк.

— Скажите, а кто сейчас ищет специально для вас?

— У меня нет авторов. У меня нет репертуара. И это одна из серьезных причин, почему я не вижу необходимости так напря-

гаться на сцене. А самое главное — для чего, если зрителей нет? Зачем производить товар, если нет потребителя? Вот на театральные спектакли с моим участием зрители есть. Мне этого достаточно.

— Но кто-то же писал для вас? Теперь эти авторы вас не устраивают?

— Я, наверное, это перерос. Я же слежу, что сегодня исполняется со сцены. Я бы никогда не стал это играть, никогда.

— А как вы относитесь к тому, что каждую субботу и воскресенье одни и те же люди с одними и теми же интермедиями...

— Это дело телевидения. У них высокие рейтинги. С моей точки зрения, это, повторяю, лепрозорий. Все! Для большого числа людей юмор вроде самогона. А поскольку самогон востребован, зачем это обсуждать? У каждого жанра свои законы. Как с анекдотом: он бывает хороший и плохой, остроумный и тупой, ироничный и солдафонский.

— То есть народу нужен суррогатный, кустарный юмор. Это самогон?

— Да.

— Но Райкин работал много лет и не был самогоном?

— Райкин никогда не был самогоном. Райкин — уникальное явление. Настоящее искусство.

— Вы считаете, что Театр эстрады будет существовать только за счет спектаклей?

— Театр эстрады пробует разные формы существования. Целый сезон здесь играли мюзикл «Чикаго», идут концерты эстрадных исполнителей. Полуини играл здесь больше месяца.

— То есть в качестве сценической площадки?

— Он всегда был в качестве площадки. У Театра эстрады ар-

тистического штата, за исключением оркестра и балета, никогда не было.

— Я помню большой скандал, когда вы пришли в театр и уволили оркестр.

— Не сразу, а через два года. Им работы не было. Глупо сегодня преподавателю марксизм-ленинизма удивляться отсутствию работы. Зачем оркестр нужен Театру эстрады, если певцы под фонограмму поют? Ничего трагического не происходит. Эстрада двинулась в ночные клубы, казино. Ведь это же в советское время нигде больше выступать было нельзя.

— Первый сольный концерт Аллы Пугачевой был в этом зале, я его помню. И лучшей площадки для ее песен не было. Впечатление совсем другое, чем в зале «Россия» или на стадионах.

— Я согласен. Более того, для всей эстрады лучшего зала, чем этот, нет. Только самой эстрады тоже нет. Сейчас в меня полетят камни: «Как это — эстрады нет?!» Но то, что есть, — это не эстрада, а нечто другое. Если артиста можно сделать за два месяца на «Фабрике звезд», значит, этому и учиться не надо. Что ж, на «Фабрике звезд» театральные артисты не делают?

— Если все идет своим путем, отчего же такие гиганты жанра, как вы и Жванецкий, нарочито ушли в тень?

— Жванецкий ни в какую тень не ушел. И я не собираюсь. Если бы Жванецкий собирал аншлаги, он бы выступал каждый день. У него и сил достаточно, и таланта. Спроса нет.

— Спрос был связан с политической ситуацией в стране?

— Когда?

— Лет пять-десять назад.

— Пять-десять тоже уже не бы-

ло. Мы с вами оперируем понятиями пятнадцатилетней давности, когда слово вырвалось наружу, когда гласность набрала полные обороты. Люди смотрели съезд народных депутатов, как сериалы. Было время романтических иллюзий, надежд на скорое превращение страны в рай и так далее. И выяснилось, что совсем не обязательно свергать коммунистическую партию, чтобы убедиться в том, что рай назавтра не наступит.

— Снимаетесь ли вы в кино, готовятся ли новые спектакли с вашим участием?

— В кино не снимаюсь. Репетируем спектакль в Театре имени Антона Чехова и будем играть его на сцене Театра эстрады. Сейчас даже могу сказать даты премьерных спектаклей — 29 и 30 октября. Спектакль называется «Все как у людей». Это французская комедия, ее ставит Леонид Трушкин, с которым мы сделали «Ужин с дураком» и «Смешанные чувства». Я целиком и полностью погружен в работу. В спектакле еще заняты артисты Борис Дьяченко, Инга Оболдина, Галина Петрова из театра «Современник».

— Трудно ли вам играть «Смешанные чувства» в паре с актрисой такого масштаба, как Инна Чурикова?

— Это счастье... Как возвращаться в режим эстрадного существования после партнерства с Инной Чуриковой, Олегом Басилашвили?!

— Спасибо, удачного вам выступления.

На прощание мы обменялись рукопожатием. Геннадий Хазанов на глазах помрачнел, ушел в себя. И на свой концерт не пригласил.

Беседовал
Петр КУЗЬМЕНКО